

Херасков Михаил Матвеевич

Творения М. Хераскова

Часть 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Матвеевич Х.**
Творения М. Хераскова: Часть 10 / Херасков Михаил Матвеевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 260 с.

ISBN 978-5-521-29090-1

ISBN 978-5-521-29090-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОЛИДОРЪ,

СЫНЪ

КАДМА и ГАРМОНИИ.

КНИГА I.

*Изъ каждого добра и зла
извлекай твою пользу.*

Пол. Кн. I.

Музы, кои бесѣдовали со мною въ моей юности! собесѣдуйте мнѣ и нынѣ, когда скучная старость, простирая надъ главою моею хладную руку, крылья моего воображенія подсѣкаетъ; когда мысли мои, временностию упомленные, нынѣ токмо въ неизмѣримой вѣчности спраннывуютъ. — Вы научили меня повѣствовать Кадма и Гармонію — научите пѣль и сына ихъ! — Водите моею кистию, да, вѣщая жизнь Полидорову, изображу живыми красками картину прогашельную и притягательную; разсыпьте цвѣты ваши на простое и неспосложное мое швореніе; наипаче содѣлайте, да будетъ оно пріятно для моихъ

Часть X.

А

чипателей, и да явится юный Полидоръ достойнымъ опца своего Кадма. —

А ты, дщерь Небесъ, священная Истина, любящая въ различныхъ видахъ міру являться! украсивъ себя нынѣ привлекательностями баснословія, сіяй въ моемъ слогѣ; увѣнчайся миртами и лаврами, и подѣ личиною простой повѣспи, сіяй подобна небесному свѣпилу, сребристыми облаками одѣянному, но взирающихъ на него не ослѣпляющему. Любопытство ищущихъ тебя наипаче тогда раздражается, когда ты, какъ Протей, различные виды на себя приемлешь и въ почномъ своемъ лицѣ зрима быти не желаешь; — принди, ожививори слогъ мой своимъ блистательнымъ воззрѣніемъ, и швоя пріятная улыбка да развеселяетъ иногда печальную Полидорову повѣсть; прелести швои, швои привлекательности, швое сладостное дыханіе, да почувствуются во мракѣ непріяненныхъ приключеній Кадмова сына. —

Благо и зло двумя источниками на человеческій родъ изливаются: одинъ усаждаетъ, другой бѣдственную жизнь ему приносить; часто оба въ единый сонмъ сліяны, щастливые и горесипные дни намъ приключаютъ. Если люди, коихъ непримиримая судьба непрестанно гонитъ, и на злощастныхъ попомковъ ихъ ярость свою проспираетъ; сами ли они виновны шоликимъ зоключеніямъ? или свыше такой предѣлъ имъ

предназначенъ? ... Сего разумъ нашъ поспигнуть не удобенъ. Книга судебъ человѣческихъ печатью таинствъ запечатлѣнна; око смертнаго въ нее проникнуть не можетъ; единъ Всевидѣцъ зришь въ сію книгу, зришь, и жребіями тварей управляетъ.

Жестокій рокъ, поражающій несчастнаго Кама, излилъ свою свирѣпость на дочерей и сыновъ его: — Семелея сожжена въ прахъ Юпитеровыми огнями — Актеонъ, внукъ его, разперзанъ собственными своими псами — поздные его попомки, сыны несчастнаго Эдипа, Эпеклъ и Полинисъ, брапоубійствомъ руки свои обagriли; — зло, кажется, семейству Камову природнымъ учинилось.

Сынъ его Полидоръ, полико же мудрый и полико же несчастный, Полидоръ во цвѣтущихъ лѣтахъ царствуя въ Фивахъ, любимый подданными — жалостнымъ случаемъ лишился возлюбленной супруги своей, прекрасной Зарены; первый плодъ нѣжныя ихъ любви прекрашилъ жизнь ея; она, произведя въ свѣтъ подобнаго имъ красотою младенца, купно съ нимъ скончалась. Душа Полидорова въ смерсную горестъ погрузилась.

Фивяне долгое время смерть владычицы своей оплакивали и многіе дни въ недѣйствіи пребыли; — такова естъ печаль истинная!

Ничто не можетъ успокоить Полидора по кончинѣ любезной с у п р у г и ; небо кажется ему мрачно надъ Оивами, земля зрится унывающею, злчные луга и рощи черною ризою печали покровенны, жилище его пусто и уныло; тѣнь, спенящая тѣнь Зарены ему непреспанно видится: она является ему блѣдна, препещуща и спеняща; — пораженный ужасомъ и жалостію, Полидоръ проспираетъ къ ней дрожащія руки съ горестнымъ воплемъ, и токмо хладный воздухъ во свои объятія приеѣмлетъ.

Души чувспвипельныя! не читайте сего плачевнаго поѣѣствованія; оно ваши нѣжныя сердца разпирогаѣтъ. Но ежели вы съ терпѣніемъ прочиѣтаѣте первую книгу, продолжайте до послѣдней; можете быть нѣчто уѣѣшительное въ сей повѣѣсти обряѣете.

Раздирающія печали душу Полидорову, напоминающія мѣѣста прекрасную Зарену, стѣѣсненное его сердце смертною тоскою, понудили наконецъ юнаго и злощаспнаго Царя оставиѣть пагубныя для него Оивы, — Оивы, гдѣ въ горести своей оѣѣрады не находиѣтъ; спѣѣраѣдетъ, и уѣѣшиться не можетъ. Полидоръ вручаѣтъ начальсѣво надъ Беопіею мудрому и вѣѣрному Эхіону, и съ немногими друзьями поспѣѣшаѣтъ отплыѣть во предѣлы Славянскіѣ; шамо чаяѣтъ онъ, изливъ свою горестъ въ сердца своихъ родиѣтелей, въ дружесѣпвенной ихъ бесѣѣдѣ обрѣѣсти

нѣкую отраду; — но, увы! во Славянскихъ предѣлахъ новыя горести его ожидаютъ.

Уже преплылъ онъ Средиземное море, гдѣ берега знойной Африки, плодоносной Азіи и хладной Европы другъ на друга кажутся взирающими; преходя водами великаго Дуная, вступилъ на песчаные берега Славянскіе: шепсвуетъ лугами элачными и рощами прохладными, все ему напоминаетъ дни его нѣжной юности, все изображаетъ любезную сердцу его Зарену, и слезы его многими источниками изливаются... О! куда убѣгу отъ моей горести? вопіялъ онъ, и воздухъ наполнялъ тяжкими воздыханіями. Добродушные Славяне срѣчаютъ любимаго ими Полидора въ мирныхъ своихъ селеніяхъ, но срѣчаютъ съ нѣкимъ печальнымъ молчаніемъ; главы ихъ преклоненны, взоры смутны и мрачны. — Увы! гдѣ мои родители? восклицалъ Полидоръ: живы ли они? живы ли Кадмъ и Гармонія? — Никто не отвѣчаетъ. — Сія глаголющая скромность душу Полидорову паче смущаетъ. Други мои! вѣщалъ онъ, препроводите меня къ отцу Заренину, препроводите! чувствую, что мнѣ надлежитъ быть и въ сей странѣ злополучну.

Престарѣлый Велесилъ обиталъ тогда близъ горы, гдѣ посреди темной дубровы была Кадмова пещера; тамо въ тихомъ уединеніи шатеръ его воздвигнутъ былъ подъ тѣнію сѣnistыхъ древесъ, которыхъ корни напоялъ про-

зрачный источникъ, по мѣлкимъ камнямъ изви-
вающейся; зефиры шихо деревьями помавали, и
воздухъ свѣжестію правъ и цвѣтѣвъ наполнял-
ся. Спарецъ сидѣлъ на зеленомъ холмѣ и по-
гружался въ глубокую задумчивость; уже онъ
извѣщенъ былъ о смерти его дочери Зарены, и
съ мудрымъ размышленіемъ оплакивалъ ея кон-
чину. — Услыша прибытіе Полидорово, возстаеъ
съ помносною и шествуеиъ ему во срѣиеніе; —
колѣна его препенуиъ; слеза хладная выспу-
пила на глазахъ его, выспупила, затренешала
и оспановилась. — Увидя печальнаго Царя Оив-
скаго, проспираестъ къ нему свои дрожащія руки;
сѣдинами украшенная глава его шрясешся; при-
ближается, и возстенавъ, повергается къ Поли-
дору въ обѣяпія. — Такъ нѣиъ уже моихъ роди-
телей? возопилъ Полидоръ; увы! твои слезы и
молчаніе скромныхъ Славянъ ясно печаль мою
мнѣ возвѣспили. — Спарецъ возсѣлъ съ Полидо-
ромъ на любимомъ своемъ холмѣ; — долго не
могъ онъ ни слова промолвиить, будто силы соби-
ралъ возвѣспиниъ Полидору печаль общую. Глу-
боко воздохнувъ, рекъ наконецъ: — увы! нѣиъ
уже и моей Зарены! Душа ея соединилась съ
душами Кадма и Гармоніи. — О Полидоръ! твои
родители были благочестивы и богамъ угодны;
днесъ Зарена купно съ ними въ небесахъ ликуешъ.
Намъ не надлежиитъ о лишеніи ихъ сѣтовать;
но надлежиитъ молиитъ боговъ, да не разлучаюиъ
ихъ въ вѣчности.

Полидоръ, печальный Полидоръ, осушивъ слезы, опвѣчалъ Велесилу томнымъ голосомъ: всего — всего я лишился! — родителей, толико мною чпимыхъ; супруги, толико мною любимой: что можетъ нынѣ въ мірѣ меня успокоить? — Боги . . . сказалъ старецъ, боги, упѣшители злощасныхъ, уладятъ дни твои. Ты еще юнъ, и здѣшній міръ можетъ изгладить въ памяти твоей оплакиваемыхъ тобою друзей твоихъ; но я при концѣ дней моихъ, я, взирающій шусклыми очами въ непоспижимую вѣчностъ — я уже не помышляю о сладостяхъ житейскихъ; съ пвердымъ духомъ взираю на кончину дочери моей, на потерянiе благопворителей моихъ, Кадма и Гармонiи — твоихъ родителей; ибо свиданiе мое съ ними близко. — Увы! ты скоро съ ними соединишься, вѣщалъ Полидоръ; но я въ цѣломъ мірѣ сирѣ, безъ друзей, безъ супруги пребуду. — Полидоръ! сказалъ старецъ: развѣ души челоѡковъ не суть всегда соединены въ нѣдрахъ Божества вездѣсущаго? О сынъ мой! буди увѣренъ, что души смерпныхъ непрестанно плаваютъ въ неизмѣримомъ океанѣ вѣчности; онѣ плаваютъ, какъ невидимыя пылинки, въ поляхъ воздушныхъ; внѣ тѣла, или въ тѣлесахъ, единымъ Всевышняго дуновенiемъ мы живопворимся; всѣ мы въ Немъ чувспвуемъ, мыслимъ и движемся; — можетъ быть, души оплакиваемыхъ нами друзей днесъ надъ нами лепчуютъ и съ нашими душами бесѣдуютъ непоспжи-

мымъ для насъ ихъ языкомъ. Не надлежитъ возмущать иѣней усопшихъ; онѣ любятъ насъ, какъ и прежде любили, и пріемлютъ участіе во всѣхъ нашихъ чувствованіяхъ. Горе намъ, когда мы излишнимъ сѣпованіемъ ихъ беспокоимъ! и горе имъ, когда опечаленія нашего онѣ свидѣтелями бывають! Не сокрушайся о нихъ, но любишь ихъ, какъ и прежде любили, мы обязаны; любишь и непрестанно памятовать, что мы съ ними неразлучны: ибо въ единомъ Богѣ существуемъ. То, что мы жизнью называемъ, есть наша душа; она безсмертна, слѣдственно неизмѣюща конца ни разрушенія; всегда пребываетъ, всегда чувствуетъ и въ единомъ кругѣ вселенныя съ нами вѣчно существуетъ. Тѣло наше едино съ нами разлучаетъ ихъ. Онѣ и мы равно ощущаемъ бытіе наше, и будемъ наконецъ, по мѣрѣ чистоты нашей, жизнью наслаждаться.

Полидоръ! я тебѣ предаю мнѣнія, изъ бесѣды мудрыхъ твоихъ родителей мною почерпнутыя; тако они о временности и вѣчности разсуждали. Лишеніе друзей нашихъ оплакивать, гордости, самолюбивости и слабости сердецъ они приписывали. — Болѣзную о кончинѣ дочери моей, твоей супруги Зарены; но болѣзную, не нарушая ко Всемогущему Боже-ству повиновенія; болѣзную безъ ропсання на судьбу непостижимую и не изнуря испо-

чниковъ моей жизни, свѣше мнѣ измѣнныхъ, моимъ сѣпованіемъ; ибо когда за каждое мое дѣяніе въ моемъ живопѣ строго отвѣчалъ мнѣ долженствуетъ: чемъ оправдаюся предъ богами въ несохраненіи дней моихъ; предъ богами, кои для моего успокоенія, разсудокъ мнѣ даровали? — Одни оскорбили Божества, враги бытія своего, злодѣи душъ своихъ, дерзающе посягають на жизнь свою, и въ наглость буйствѣ дни свои пресѣкающе: — мы равно боговъ раздражаемъ, пресѣкая дни наши смертными орудіями, или необузданными крушеніями. Будемъ мужественны, сынъ мой! при нашей взаимной печали; призовемъ милосердное Небо въ помощь, и явимся достойными званія благоразумныхъ человѣковъ. Я призывалъ боговъ въ помощь — и зри! — слезы мои осушенны.

Словеса почтеннаго старца нѣсколько успокоили сѣпующаго Полидора; благоразумный его примѣръ, мужественное вѣдѣніе, дружелюбное угощеніе, подкрѣпили унывающую его душу. — Велесилъ, опершись на руку Полидору, вступилъ съ нимъ въ уединенное свое жилище; — шамо не было излишнихъ украшеній, но чистота и необходимостъ покомъ всюду зримы были. Уже трапеза была для нихъ уготована вѣрными его служителями, или паче его собесѣдниками; роскошь не касалась столу старцеву: жирный агнецъ, сыръ и млеко умѣрен-

ную его пищу составляли ; плоды, въ его верипоградахъ зрѣющіе, предложены были ; вино, въ той землѣ родящееся, пишіемъ служило.

Пресыщающееся изобиліе и несытая гордость ! взгляните на сей обѣдъ нероскошный, взгляните и рцыте : чемъ вы щаспливѣ сего мудраго старца, и Полидора, имъ угощаемого ? Помыслите здраво — и вы признаетесь, что едино тщеславіе заставляеѣ васъ обременяѣ столы ваши многими снѣдами, цѣною здравія вашего паче, нежели златомъ плашмые. —

Гдѣ же прахи моихъ почтенныхъ родителей покоятся ? спросилъ при трапезѣ Полидоръ Велесила ; повѣдай мнѣ ! повѣдай, да облобызаю землю, полъ драгоцѣнное для сына сокровище сокрывающую. — Сынъ мой ! воззвалъ старецъ : родители твои кончили дни свои въ самой той пещерѣ, гдѣ тебя обрѣли нѣкогда купно съ Эхіономъ ; но вѣдая слѣпое къ нимъ Славянъ пристрастіе, любовь и признапельность, богопочитанію подобныя, они завѣщали мнѣ сокрыѣ ихъ прахи въ отдаленномъ и мнѣ единому извѣстномъ урочищѣ, дабы народъ нашъ, по священному къ нимъ почитанію и нѣкому суевѣрію, не началъ воздавать имъ по кончинѣ ихъ Божеской чести, отъ чего мудрые и гордостію неупоенные люди предварительно убѣгаютъ ; но толикое цѣломудріе, толика я оспорожностъ, не отвратили отъ нихъ почестей,